

Сурта Е. Н.

ИЕРОНИМ ПРАЖСКИЙ НА КОНСТАНЦСКОМ СОБОРЕ ПО СВИДЕТЕЛЬСТВАМ СОВРЕМЕННОКОВ

В настоящей статье на основании свидетельств современников и участников Констанцского собора рассматриваются и анализируются обстоятельства религиозно-судебного процесса над чешским реформатором, учеником и последователем Яна Гуса Иеронимом Пражским, завершившимся его казнью.

Введение

Религиозно-судебный процесс над Иеронимом Пражским, учеником и последователем известного чешского реформатора Яна Гуса, прибывшим вслед за своим наставником на Констанцкий собор, чтобы помочь своему другу Гусу, а также «из-за хитрой клеветы на королевство чешское» [2, с. 426], неожиданно растянулся на целый год и стоил учёному проповеднику жизни. Иероним, как и Гус был виклифистом, учился в Праге и Оксфорде, в котором познакомился с учением английского теолога-реформатора Джона Виклифа и привёз его сочинения в Чехию. Иероним говорил «о книгах Виклифа и его учении, что никогда не видел человека, который столь хорошо и глубоко писал. Его писаний равным образом желал держаться и считал злом выступления против», как это было зафиксировано в актах Констанцкого собора [2, с. 432]. В качестве магистра свободных искусств (*magister artium*) он преподавал в университетах Парижа, Кёльна и Хайдельберга.

Основная часть

О событиях, произошедших с Иеронимом Пражским на Констанцком соборе, помимо актов самого собора, мы узнаём также из ряда нарративных источников, различающихся по степени детальности, полноте и точности, а также субъективности описания того, свидетелями и очевидцами чему являлись соответствующие авторы. При этом почти все они, как правило, отмечают большую учёность, образованность и ораторский талант Иеронима. В частности, автор хроники Констанцкого собора Ульрих Рихенталь сообщает о том, что академически образованные люди считали Иеронима во многом более учёным, чем Ян Гус: «К нему [Иерониму] приходили многие учёные, которые вели с ним диспуты по поводу его ложной веры и по другим теологическим вопросам. Они считали, что он в четыре раза учёнее чем Гус» [3, 56 REC, с.100-101], но дар Иеронима Пражского прежде всего заключался в его риторическом таланте, в ярких и убедительных, имеющих сильное воздействие на публику речах, проповедовавших реформаторские идеи Яна Гуса [4, с. 147].

Также, как и Гус в 1412 г. Иероним выступал против индульгенций папы Иоанна XXIII, против «духовенства, благосостояния духовных лиц, приводя в своих проповедях, как пресвитеры и церковный клир выступают в постыдных нарядах, непрерывно совершают пиршества, ... и поглощены делами с блудницами и другими празднествами, и обольстительной роскошью. Говорил, что бенефиции были установлены богом, чтобы кормить и давать приют беднякам и возводить церкви, и не должно доходы тратить в пирах, блудодеяниях, на наряды

и другую роскошь» [2, с. 431]. Кроме того, будучи чешским патриотом он участвовал в создании, Куттенбергского декрета Вацлава IV и изгнании немецких профессоров из Праги, что усилило негативное отношение к нему и Яну Гусу в Священной Римской империи.

На собственном опыте убедившись в опасностях и рисках, связанных с посещением Констанцкого собора, в своём письме от 3 января 1415 г. чешским друзьям Ян Гус призывал их предостеречь Иеронима от поездки в Констанц: «Ни в коем случае не должен он или один из наших прибыть сюда» [4, с. 147]. Однако Иероним не прислушался к совету своего друга и наставника и отправился на церковный собор. О происходивших с ним там событиях, а также о процессе над Иеронимом и его казни информирует прибывший на церковный форум в качестве секретаря Яна Хлума, сопровождавшего Яна Гуса, Пётр из Младонёвиц в своём «Повествование о магистре Иерониме Пражском, сожженном в Констанце во имя Христа» (*Narratio de magistro Hieronymo Pragensi pro Christi nomine Constantiae exusto*) [7, с. 339–350]. Согласно Младонёвицу, Иероним добровольно прибыл в Констанц 4 апреля 1415 г., но затем бежал оттуда ввиду процесса над Гусом в Иберлинген и написал там письмо королю, знати и собору с просьбой о личной неприкосновенности и свободном передвижении. На что получил ответ: «Мы предоставим ему *salvus conductus* для прибытия, но не для возвращения домой» [7, с. 339–340]. Хроника Рихенталя в свою очередь сообщает об этих событиях следующим образом: «В понедельник после дня Святой Пасхи, в Констанц тайно с учеником прибыл Иероним, чтобы никто из народа не смог его узнать или заметить, и прибил на дверь церкви Святого Стефана послание. В нём он писал на латыни, [что] уверен в том, что магистр Ян Гус учил и проповедовал верно. Но из ненависти и враждебности ему ложно приписывали некоторые положения, из-за которых, – если бы он действительно их проповедовал, – он не мог бы и не хотел бы его защищать. Но он не верит, что Гус это действительно делал» [3, 55 VERS, с.99]. В послании, которое было прикреплено к воротам города, Иероним также написал о том, что собор не принимает решения «по праву и справедливости», и поэтому он считает себя свободным от обязательств. Он хотел вернуться назад в Чехию, но на пути туда был задержан и передан в Зульцбахе герцогу Баварии Иоганну III, который 23 мая 1415 г. доставил Иеронима в Констанц «в железных оковах на длинной цепи, звеневшей при каждом движении» [7, с. 340–341]. Хроника Рихенталя сообщает дополнительные детали об этом: «Как только он прибил послание, он и его ученик покинули Констанц так, что их никто не заметил. И это произошло в такой спешке, что он [Иероним] забыл свой меч на постоялом дворе или может быть из опасения не захотел взять его с собой. Тогда [в городе] каждого спрашивали, где он жил, но никто этого не знал. И только спустя шесть дней узнали, что он нашёл приют в доме Гутьяра [Gutjahr] на Санкт-Паулсгассе и ... оставил там свой меч. Тем временем он [Иероним] достиг Богемского Леса и хотел там отдохнуть. И так как каждый учёный человек ищет другого учёного человека, то он отправился к одному приходскому священнику. А тот неожиданно пригласил много других духовных лиц, и так Иероним тоже попал к нему на трапезу. Затем [после трапезы], будучи очень разговорчивым, он начал рассказывать, как на латыни, так и на немецком, что был в Констанце на соборе, и что он [собор] ни что иное, как сборище сатаны и синагога вершащих несправедливость

и испорченных людей. И у него с собой были послания с 70 печатями о том, что магистр Ян Гус и он непоколебимы, и ни один из учёных не смог им ни возразить, ни их победить. Он говорил так много плохого о соборе, что все присутствующие духовные лица сильно испугались и тайно решили сообщить об этом местному сеньору¹. Тот им ответил, [что] они должны молиться и до утра хранить молчание и не говорить об этом. На следующее утро данный господин со своими слугами ожидал его у города или рынка. И как только он [Иероним] вышел из ворот, он схватил его, арестовал и сказал: «Магистр Иероним, вы вчера вели речи о соборе Констанца. И теперь я хочу знать, являются ли они правдой или нет, так как я и все сеньоры поклялись защищать собор. Поэтому вы должны снова вместе со мной отправиться в Констанц.» Иероним ответил, [что] у него есть охранная грамота, и [что] то, что он сказал, является правдой. И тогда сеньор возразил: «Это может быть [правдой], но также может и не быть. После того, что вы сказали, вы должны снова вернуться в Констанц.» ...И он доставил его [Иеронима] в Констанц на 21 день после Пасхи, где его [Иеронима] сразу отвели в особый покой в замке Готтлибен²» [3, 55 VERS-56 REC, с.100]. Узнав об этом, в письме к своим друзьям от 10 июня 1415 г. Гус выразил обеспокоенность тем, что его «дорогой товарищ» заключён в тюрьму и ожидает смерти [5, с. 144].

Над Иеронимом Пражским, как и ранее над Яном Гусом, на соборе был организован религиозно-судебный процесс. Первое слушание проходило столь же сумбурно, как и в случае с Яном Гусом. Один из епископов сказал: «Иероним, почему ты сбежал и не явился по вызову?» [7, с. 342]. На что допрашиваемый ответил, что не прибыл, так как ему было отказано в охранной грамоте, а также из-за своих озлобленных врагов на соборе, и что он без сомнения вернулся бы назад в Чехию» [7, с. 342]. «И тогда поднялась толпа и криками высказывала ему различные обвинения и свидетельства против него» [7, с. 342]. С претензиями к нему выступили представители университетов, в которых он преподавал (Парижа, Кёльна, Хайдельберга), и выдвигали против него различные обвинения. В то время как «некоторые кричали»: «Его следует сжечь, его следует сжечь» [7, с. 342], он ответил: «Если вы желаете моей смерти, то с богом». Тут вмешался Роберт Халлум, епископ Солсбери: «Нет Иероним, ибо написано: Я не желаю смерти грешника, а, наоборот, хочу, чтобы он жил и обратился в истинную веру» [7, с. 342–343].

Иеронима заключили в башню Св. Павла и «приковали ногами и руками к столбу – столб был таким высоким, что он нигде не мог сидеть, а только висел вниз головой» [7, с. 343]. Там он находился два дня и две ночи, «только на воде и хлебе» и через два дня тяжело заболел. Собор при этом не предоставил ему духовника. «В этой башне он пролежал год за вычетом семи дней» [7, с. 343].

В отличие от других исторических свидетельств о процессе над Иеронимом Пражским, Пётр из Младонёвиц не скрывает, что после казни Яна Гуса из-за страха смерти (*metu mortis*) Иероним согласился отречься от учения Гуса, «так как надеялся вырваться из их (то есть судей на соборе – прим. авт.) рук» [7, с. 343]. 23 сентября 1415 г., опасаясь за свою жизнь и на фоне телесных страданий,

¹Иероним Пражский был арестован местным фогтом 24 апреля 1415 г. в Хиршау в Верхнем Пфальце и 23 мая 1415 г. доставлен в железных цепях на открытой телеге в Констанц.

²В действительности Иероним был заперт в башне церкви Санкт-Паулус.

переносимых им во время содержания под стражей, он отрёкся от своих взглядов и всех учений, которые он и Гус защищали [7, с. 343–344]. После этого его снова поместили в башню, хотя уже и не так сильно связали, но под вооружённой охраной. Однако чешский священник и юрист римской курии Михаил de Causis (вероятно Михаил из Брода Немецкого согласно актам собора [2, с. 431] – прим. авт.), а также чешский теолог, ректор Пражского университета Штефан Палеч (Stefan Paleč) (позднее примкнувший к гуситам), осудили отречение как неискреннее, а совершённое только с целью бегства [7, с. 345]. Их жалоба послужила важной причиной последующего процесса, завершившегося осуждением и приговором чешскому реформатору. Также некоторые кармелиты, с которыми Иероним ещё в Праге вступил в конфликт, выдвинули против него новые обвинения [7, с. 345]. И когда некоторые кардиналы пытались взять реформатора под свою защиту и высказались за его освобождение, один из врагов Иеронима, доктор канонического и гражданского права, секретарь и советник короля Чехии Вацлава IV, а также папский капеллан и аудитор Йоханнес Насо из Праги заявил кардиналам: «Я опасюсь, что вы получили дары от тех еретиков и короля Чехии» [7, с. 345]. Скомпрометированные таким образом кардиналы после этого отказались от поддержки Иеронима. «Зачинщики назначили других судей, Латинского патриарха Константинополя [Жана де ла Рошталъе] и известного немецкого доктора теологии [Николауса фон Динкельсбюля], так как они знали, что указанный патриарх был ярким противником Иеронима» [7, с. 346]. Результаты нового расследования в виде 107 статей были представлены Иерониму 23 мая 1416 г. «как смертельная удавка, которую ему подготовили», пишет Пётр из Младонёвиц [7, с. 346]. Иероним ответил на 40 из этих статей, утверждая, что он их не проповедовал, а что они были выдвинуты против него ложными свидетелями клеветнически и несправедливо [7, с. 346].

26 мая состоялось следующее заседание, на котором Иероним сослался в качестве примера на мучеников Ветхого и Нового Завета, «которые все погибли невинными во имя правды» [7, с. 346–347]. Он утверждал, что Гус и Виклиф были святыми мужами, взгляды которых относительно разложения клира он всегда разделял и разделяет, а грех, который больше всего тяготит его совесть, это отречение, которое он «совершил на этой вызывающей погибель, роковой кафедре» и тем самым одобрил приговор в отношении хорошего и святого человека. И он полностью отказывается от отречения, так как это случилось из-за страха смерти и малодушия» [7, с. 346–347].

Слышавшие это сказали, что этими словами он сам вынес себе приговор. «И его опять вернули в темницу с железными цепями на руках и ногах» [7, с. 347]. На заключительном в рамках процесса над Иеронимом заседании, состоявшемся 30 мая 1416 г., епископ Лоди, как и во время приговора Яну Гусу, читал проповедь на тему «И упрекал их за неверие и жестокосердие» (Мар. 16, 14), в которой он напрямую обратился к Иерониму: «Ввиду твоего долгого упорства, Иероним ..., подумай, что если даже мои порицания внешне звучат ужасно, но внутри, в сердце царит любовь к милосердию, и если я не могу пощадить тебя словом..., то я хочу предостеречь тебя, виновного, благочестивой любовью к ближнему» [7, с. 347–348]. Собор обвинял Иеронима Пражского, как и Яна Гуса, в том, что их безрассудство привело к тому, что «низкие, плебейские люди неизвестного происхождения отважились сотрясти Чешское

королевство и посеять среди граждан раздор. Ни один из еретиков никогда не имел такой дурной славы как Иероним. Дурная слава его ереси распространилась в Англии, Франции, Венгрии, Польше, Литве, Русском государстве, Италии и всей Германии» [7, с. 346]. Известно, что после отъезда из Праги по причине гонений в конце 1412–1413 г. Иероним посетил Польшу, Великое княжество Литовское и русские земли, в том числе такие города как Краков, Витебск, Псков, распространяя идеи виклифизма и чешской реформации.

«Я не бросаю тебе в лицо чужие нечистоты, а твои собственные... Тебя не пытали, но, если бы пытали! Тогда бы ты смиренно как блевотину полностью изрыгнул бы все свои заблуждения», – такие слова бросал Иерониму в лицо на соборе епископ Лоди [7, с. 347–348]. На это Иероним возразил собору: «Вы хотите приговорить меня несправедливо и не по праву. Но после моей смерти я буду угрызением вашей совести и занозой в вашем сердце, и я вас всех приглашаю ответить мне пред высшим и справедливейшим судьёй через сто лет» [7, с. 347–348]. Кардинал Гильом Филластр хотел продолжить дискуссию с Иеронимом Пражским, когда тот утверждал, что Гус был приговорён как еретик, потому что проповедовал против высокомерия клира. Собору также не нравится высокомерие многих представителей церкви, говорил Иероним, и чтобы это реформировать он [собор], собственно, и собрался [7, с. 347–348]. «Но это же особенность еретиков, что они к своему ложному учению подмешивают немного правды, чтобы простые люди вместе с истинным также и ложное считали правдой», – утверждали в ответ оппоненты Иеронима на Констанцском соборе [7, с. 347–348].

Приговор Иерониму Пражскому перечисляет все его проступки, и прежде всего отозванное отречение [4, с. 151]. Собор отлучил чешского реформатора от церкви, предал анафеме и передал светской власти. Как сообщает Пётр из Младонёвиц, в день казни бумажную позорную корону с изображённым на ней дьяволом Иероним сам надел себе на голову и сказал при этом: «Наш господин Иисус Христос нёс на голове терновый венец. Но я хочу вместо того венца из любви к нему носить эту корону» [7, с. 349].

Во время движения к месту казни Иероним произносил символ веры и пел литания, как об этом сообщается в хронике Рихенталя: «... Он также [как и Ян Гус] был осуждён как еретик, и собор передал его герцогу Людвигу Баварскому. Тот приказал вывести его [за городские стены] и сжечь. И его также, как и Гуса, вывели за город... И когда его вели, то он произносил молитву «Credo in unum Deum»³, и когда он закончил эту молитву, он начал громко петь литания «Sancte Petre, ora pro nobis; Sancte Paule, ora pro nobis»⁴. Когда они были закончены, он снова начал «Credo». Он ...не исповедовался, ибо был еретиком и не желал отречься, поэтому никто не хотел его исповедовать... Затем его сожгли на том же месте, что и Гуса. Но он жил намного дольше, чем Гус, и ужасно кричал, так как был полным, крепким мужчиной с чёрной, густой, длинной бородой. И когда он наконец был сожжён, то пепел и всё, что не сгорело, ...было выброшено в Рейн. И многие учёные мужи оплакивали его, что такой учёный человек должен был сгубить душу и тело, ибо он был намного учёнее, чем магистр Ян Гус. Он был магистром искусств [Magister de Artibus] в Праге, Кёльне, Лондоне в Англии и в Эрфурте» [3, 59 REC – 59 VERS, с.107].

³«Я верую во единого Бога».

⁴«Святой Пётр, святой Павел, молитесь о нас».

Также одним из наиболее важных и известных источников о событиях, происходивших с Иеронимом Пражским на соборе в Констанце является адресованное Леонардо Аретинскому (Леонардо Бруни из Ареццо) письмо итальянского гуманиста Поджо Браччолини, который прибыл на собор в качестве секретаря папской курии и присутствовал на процессе, [1, с. 226], в то время как Леонардо Бруни, будучи секретарем папы, покинул Констанц после низложения Иоанна XXIII и позднее стал канцлером Флоренции. Письмо написано очевидцем событий в день казни Иеронима и представляет весьма позитивный и даже идеализированный образ чешского реформатора, личность, и особенно учёность, которого со всей очевидностью произвели сильное впечатление на итальянского гуманиста. Сравнение текста письма с описаниями Петра из Младонёвиц и сведениями, содержащимися в хронике Ульриха Рихенталя, подтверждают достоверность сообщаемой информации. В письме Браччолини описывал ход процесса и активную защиту обвиняемого «поскольку дело это чрезвычайно важное и муж этот известен своим красноречием и образованием» [1, с. 226]. «Через несколько дней началось дело Иеронима, которого многие публично обвиняли в ереси... Признаюсь, я не видел никого, кто, выступая в суде, особенно когда дело идет о жизни, более приближался бы к красноречию древних, которыми мы так восхищаемся. Приходилось удивляться его словам, красоте его речи, его доводам, его взгляду, выражению его лица, твердости, убежденности, с какой он отвечал своим противникам и защищал свою правоту» [1, с. 227]. Также Браччолини представляет предельно реалистичное описание Иеронимом своего заточения: «Где же тут справедливость?! 350 дней, пока я сидел в ужасной темнице, в пыли, в грязи и нечистотах, в оковах, лишенный всего необходимого, вы постоянно слушали моих врагов и клеветников, меня же не хотите слушать даже один час!» [1, с. 226–227].

Своим судьям реформатор возражал: «Вы в умах своих осудили меня как нечестивого человека уже раньше, чем могли узнать, каков я в действительности. Но ведь вы, ...люди, а не боги, не вечны вы, а смертны, вы можете не знать правды, ошибиться, быть обманутыми и введенными в заблуждение. Вас называют светочем мира, мудрецами земли. Тем более вы должны всячески избегать необдуманных, неразумных и несправедливых решений... Куда мне теперь обратиться, господа сенаторы? Кого молить о помощи? Кого просить? Кого заклинать? Не вас ли? Но эти гонители мои отвратили ваши души от меня, представив меня врагом всех тех, кто должен меня судить. Они думали так: если даже их доносы на меня покажутся недостаточно вескими, – вы все же решите казнить меня, как вашего противника и врага, каким они меня обрисовали в подлой лжи своей. Если вы поверите их словам, у меня не может быть никакой надежды на спасение» [1, с. 227]. Как отмечает Браччолини, многих Иероним «задел острым словом, многих поразил метким замечанием, многих в столь печальном деле заставил смеяться, отражая шутками удары своих противников» [1, с. 227]. При этом чешский реформатор ставил себя в один блестящий ряд с несправедливо преследуемыми: «Я знаю, ... что много выдающихся людей претерпели бедствия, которых они отнюдь не заслужили своими добродетелями, были оклеветаны лживыми свидетелями, осуждены несправедливыми судьями» [1, с. 227]. Сократ, несправедливо приговорённый своими, пленение Платона, оковы Анаксагора и Зенона, невинно осужденный на смерть Боэций,

а также клевета сограждан на Моисея, освободителя своего народа, создателя законов, гонения на почти всех пророков, и, наконец, Иоанн Креститель и сам Спаситель, из-за «лживых свидетелей приговорённые неправым решением судей» [1, с. 227]. Иероним напомнил также об «апостолах, которые были осуждены на смерть ... как мятежники, возмутители народов, презирающие богов, и вершители всяческих злодеяний» [1, с. 227]. Чешский реформатор заявлял, как пишет Браччолини, что «нет ничего ужаснее, чем несправедливое осуждение священника церковным собором» [1, с. 227]. «Так он стоял, спокойный и бесстрашный, не только не боясь смерти, но даже устремляясь ей навстречу. Ты назвал бы его вторым Катонем. Вот человек, достойный вечной памяти людей! ... Я дивлюсь его учёности, всесторонним познаниям, ораторскому таланту, очарованию его речи и остроумию его ответов», – с практически нескрываемым восхищением описывает Иеронима итальянский гуманист [1, с. 227–228], что само по себе довольно необычно, учитывая, что речь идёт об осуждённом на казнь еретике.

Поджо Браччолини также, как и Пётр из Младонёвиц сообщает об отношении Иеронима Пражского к своему учителю Яну Гусу и его учению, которого считал «человеком честным, справедливым, святым и никак не достойным такой смерти... Восхваляя Яна Гуса, он сказал, что тот выступал не против положений церкви божьей, а против злоупотреблений духовенства, против надменности, роскоши и расточительности прелатов. Этому честному человеку казалось недостойным, что имущество церквей, предназначенное для бедных, для странников, для церковных мастерских, расточается на распутниц, на попойки, на содержание лошадей и собак, на роскошные одежды и многое другое, недостойное христианского благочестия» [1, с. 227–228]. Браччолини, отмечает, что Иероним «говорил поистине талантливо. Несмотря на то, что его часто прерывали шумом и некоторые вставляли колкости, пытаясь поймать его на слове, он никого не оставлял безнаказанным и, отвечая ударом на удар, заставлял противников краснеть и умолкать» [1, с. 227–228]. Сам Иероним, как пишет Браччолини, тоже вслед за своим другом и наставником Гусом был «готов идти на любую пытку с твердой и непреклонной душой. Он прощал своих врагов и свидетелей, так неразумно лгавших против него», ибо, как он считал, настанет час, и они будут отвечать за свои слова перед богом, которому не смогут лгать» [1, с. 227–228]. Браччолини был уверен, что «все вокруг слушали с душевной болью. Ведь они хотели спасти этого превосходного человека; если бы только у него хватило благоразумия! Но он упорствовал на своем, и казалось, что он ищет смерти» [1, с. 227–228].

Поджо Браччолини также весьма детально описывает драматический момент смерти чешского реформатора: «Со спокойным, ясным лицом шел он к своей гибели; ни огня не испугался, ни пытки, ни смерти. Никто из стоиков не принял смерть с такой твердой и бесстрашной душой, как встретил ее этот человек. Когда он пришел к месту казни, он сам снял с себя одежду; опустившись на колени, он поклонился столбу, к которому был прикован; сначала его, голого, привязали к столбу мокрыми веревками и приковали цепью; потом обложили кругом поленьями, перемешанными с соломой, – не маленькими, а толстыми, до самой его груди, набросав между дров мякины. Потом, когда поднялся огонь, он запел какой-то гимн, который долго не могли прервать ни дым, ни

огонь» [1, с. 227–228]. Ещё одним доказательством твёрдости духа Иеронима, по мнению Браччолини, является описанный только итальянским гуманистом эпизод (вероятно, им придуманный), когда палачу, который хотел зажечь огонь за спиной осуждённого, чтобы тот не видел, Иероним якобы крикнул: «Подойди сюда и здесь, на виду у меня, зажигай огонь. Если бы я боялся его, я никогда не пришел бы на это место. Ведь я мог его избежать» [1, с. 227–228]. И поражённый мужеством чешского реформатора Браччолини в конце своего письма к Леонардо Бруни с восхищением отмечает: «Ибо даже известный Муций⁵ не сжигал свою руку с такой твердостью, как этот человек все свое тело; и Сократ не выпил свой яд так невозмутимо, как Иероним принял огонь» [1, с. 227–228]. При этом, в отличие от других очевидцев тех событий, Поджо Браччолини не упоминает ни о бегстве Иеронима из Констанца и последующем аресте, ни о его первоначальном отречении в ходе первого слушания дела.

И если Браччолини делал из Иеронима античного героя, то Якубек из Мизы (Якубек из Стршибра), магистр свободных искусств Пражского университета, друг и последователь Яна Гуса, приверженец причащения под обоими видами, представлял его в образе христианского мученика. Унаследовав после смерти Гуса место проповедника в Вифлеемской часовне, он произносил там поминальную речь в честь Яна Гуса и Иеронима Пражского «Блаженны, изгнанные за правду» (Мат. 5, 10) [6, с. 231–242], в которой он констатировал, что все пророки были убиты не языческими королями, а Своими же. Учение Яна Гуса, представляемого Якубеком как «звучные трубы, неустанная проповедь правды, врага симонистов, герольда Евангелия, божьи уста», услышали не только в Чехии, но и во всей церкви [6, с. 238]. Якубек утверждает, что Иеронима обвинили по ложному свидетельству, и когда он потребовал доказательств, то только услышал: «Учёные доктора говорят, что утверждения в твоих книгах ложные, поэтому ты должен отречься» [6, с. 239]. Своё первое отречение он отозвал. Иероним утверждал, что Гуса он знал, как святого проповедника Евангелия, а не как распутника, пьяницу или преступника [6, с. 239]. Так они поднялись в сонм ангелов, как считает Якубек (Иаков) из Стршибра [6, с. 239].

Спустя десятилетия совсем иную оценку событиям, связанным с Яном Гусом и Иеронимом Пражским, даёт ещё один итальянский гуманист, Энеа Сильвио Пикколомини, впоследствии ставший римским папой под именем Пия II (1458–1464). В своей работе *Historia Bohemica*, созданной в 1458 г. и посвящённой гуситской ереси, он писал: «Приговорённые на великом соборе в Констанце к сожжению на костре Ян и Иероним» несут покаяние «за святотатство в аду. Они будут каяться вечно» [8, с. 54–55].

Заключение

Несмотря на некоторые различия в описании деталей, касающихся пребывания Иеронима Пражского на Констанцском соборе, и эмоционально-личностном видении ситуации все нарративные источники сходятся в том, что Иероним прибыл в Констанц ради спасения Гуса. Он подробно и обстоятельно говорил в своей речи на соборе о борьбе чехов с немцами и о реформе университета, страстно защищал дело Гуса на процессе и отстаивал свои взгляды, но

⁵ Муций Сцевола, по древнеримскому преданию, юноша-герой, отправившийся в лагерь осаждавших в VI в. до н. э. Рим этрусков с целью убить их царя Порсену. Он был схвачен и во время допроса, чтобы показать неустрасшимость перед пытками и смертью, сжёг свою правую руку в огне жертвенника.

несмотря на своё красноречие и убедительность, был осуждён как еретик, виклефист и сторонник Гуса. Иеронима Пражского, как и Яна Гуса, можно по праву считать чешскими символами непоколебимой стойкости и воли в отстаивании своих взглядов и убеждений перед латинским и немецким Западом, иными словами перед католической церковью и Священной Римской империей, воплощавшихся тогда в Констанцском соборе и римско-немецком короле Сигизмунде I. Причины произошедших над Иеронимом и Гусом процессов и их казней коренились в тяжёлом кризисном положении, в котором в начале XV в. находилась католическая церковь, Священная Римская империя и сама Чехия, в том числе и в результате деятельности обоих чешских реформаторов. И никто тогда не подозревал, какие последствия в будущем будут иметь приговоры, вынесенные Яну Гусу и Иерониму Пражскому в Констанце.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Браччолини, П.* Письмо к Леонардо Бруни [Электронный ресурс] / По изд. : Поджо Браччолини. Письмо к Леонардо Бруни / Пер. Ю. Х. Копелевич // Итальянские гуманисты XV века о церкви и религии. – М. : АН СССР, 1963. – <https://facetia.ru/node/3296>. – Дата доступа : 27.01.2021.
2. *Руколь Б.М.* Письмо Поджио Браччиолини к Леонардо Аретинскому и рассказ Младеновица, как источники об Иерониме Пражском [Электронный ресурс] / Б.М. Руколь // Ученые записки Института славяноведения. – М. : Изд-во АН СССР, 1951. – Т. III. – С. 421–433. – Режим доступа : <https://inslav.ru/images/stories/pdf/UZIS-3-1951.pdf>. – Дата доступа : 25.01.2021.
3. *Augenzeuge des Konstanzer Konzils. Die Chronik des Ulrich Richental / Die Konstanzer Handschrift ins Neuhochdeutsche übersetzt von M. Küble und H. Gerlach. Mit einem Nachwort von J. Klöckler.* – Darmstadt : Theiss, 2014. – 249 S.
4. *Buck, Th. M., H.* Das Konstanzer Konzil. Kirchenpolitik. Weltgeschehen. Alltagsleben / Th. M. Buck, H. Kraume. – Ostfildern : Jan Thibecke, 2013. – 390 S.
5. *Hus, J.* The Letter To His Friends In Constance. (June 9 Or 10, 1415) [Электронный ресурс] / J. Hus // The Letters of John Hus. With Introductions and Explanatory Notes by Herbert B. Workman and R. Martin Pope. – London: Hodder and Stoughton, 1904. – 198 P. – https://oll-resources.s3.us-east-2.amazonaws.com/oll3/store/titles/1994/Huss_1328_EBk_v6.0.pdf. – Дата доступа : 17.01.2021.
6. *Misa, J. de.* Sermo habitus in Bethlehem a quodam pio in memoriam novorum martyrum M. Johannis Hus et M. Hieronimi [Электронный ресурс] / J. de Misa // Fonte Rerum Bohemicarum. VIII. Petri de Mladoňonovic opera historica nec non aliae de M. Jahanne Hus et M. Hieronymo Pragensi relationes et memoriae. – Prameny Dějin českých. VIII / V. Novotný. – Praha: Františka Palackého, 1932. – 231–242 P. Режим доступа : <https://sources.cms.flu.cas.cz/src/-index.php?s=v&cat=11&bookid=182&page=393/> – Дата доступа : 20.01.2021.
7. *Mladoňowic, P. de.* Narratio de magistro Hieronymo Pragensi pro Christi nomine Constantiae exusto [Электронный ресурс] / P. de Mladoňowic // Fonte Rerum Bohemicarum. VIII. Petri de Mladoňonovic opera historica nec non aliae de M. Jahanne Hus et M. Hieronymo Pragensi relationes et memoriae. – Prameny Dějin českých. VIII / V. Novotný. – Praha : Františka Palackého, 1932. s. 339–350. Режим доступа : <https://sources.cms.flu.cas.cz/src/-index.php?s=v&cat=11&bookid=182&page=501>. – Дата доступа : 20.12.2021.
8. *Piccolominei, A. S.* Postea Pii II. Papae Historia Bohemica Ort [Электронный ресурс] / A. S. Piccolominei // Papst, Pius. – [Online-Ausg.]. – Helmestadii : Sustermannus, 1699. – 148 S. Режим доступа : <http://diglib.hab.de/wdb.php?dir=drucke/gm-526&pointer=54>. – Дата доступа : 21.01.2021.

Surta E. N. Hieronymus of Prague at the Constance cathedral according to contemporaries

Based on the testimonies of contemporaries and participants of the Council of Constance, the article examines and analyses the circumstances of the religious trial of the Czech reformer, disciple and follower of Jan Hus, Jerome of Prague, which ended with his execution